

П.П. ЧЕРКАСОВ

ЗА КУЛИСАМИ ПАРИЖСКОГО КОНГРЕССА 1856 года

ЗОНДАЖ НАПОЛЕОНА III

Известие о том, что 2 марта 1855 г., вскоре после полудня, в Санкт-Петербурге, в Зимнем дворце скончался император Николай I, пришло в Париж телеграфом вечером того же дня. Новость эта прозвучала в Тюильри, словно удар грома в ясном небе, так как никто в окружении Наполеона III не знал, что 58-летний царь, всегда отличавшийся богатырскими здоровьем, последние две недели провел в постели, страдая от жестокой простуды, которая и свела его в могилу.

А в это время 70 тыс. французов, англичан и турок, на помощь которым вскоре должен был подойти 15-тысячный корпус пьемонтцев, осаждали в Крыму Севастополь. За спиной союзников уже была победа при Альме, впереди – взятие Балаклавы, Инкермана и Евпатории, но под Севастополем на исходе сентября 1854 г. они натолкнулись на ожесточенное сопротивление русских. Попытка штурма города-крепости потерпела неудачу, а начавшаяся осада затянулась на неопределенный срок, что крайне нервировало императора французов, желавшего поскорее, – но, конечно же, не ранее, чем город будет взят, – покончить с разорительной для казны и затратной по потерям войной¹.

Племянник великого Наполеона мечтал лишь об одном – о реванше за национальное унижение 1812–1815 гг. В его планы не входили ни отторжение от России Кавказа, чего желал бы глава британского кабинета лорд Пальмерстон, ни ликвидация приобретений Екатерины II в Северном Причерноморье, к чему стремилась Порта, ни чрезмерное ослабление Российской империи, что было опасно для нарушения европейского равновесия. Достаточно было склонить Россию к миру сразу же после падения Севастополя. Одно время Наполеон III намеревался даже отправиться в Крым, чтобы лично возглавить командование войсками, но по ряду причин, в частности, из опасений республиканского переворота в Париже во время его отсутствия, вынужден был отказаться от этой идеи².

“Общественное мнение во Франции восставало против отдаленной и разорительной войны, в которой английские интересы были замешаны непосредственнее, нежели французские, – писал один из первых историков Крымской войны, видный русский дипломат барон А.Г. Жomini, современник событий. – Партии волновались, и это обстоятельство было одной из причин, почему поездка императора Наполеона была отложена. Ему доказывали, что его отсутствие послужит сигналом к революционному движению против его династии”³.

Черкасов Петр Петрович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.

¹ Основные потери союзнический экспедиционный корпус в Крыму нес от инфекционных болезней – дизентерии, холеры и тифа. Ежедневная смертность в рядах союзников составляла в среднем 250 человек.

² *Castelot A. Napoléon III. L'aube des Temps modernes. Paris, 1999, p. 250–265.*

³ *Жomini А.* Россия и Европа в эпоху Крымской войны. – Вестник Европы, 1886, кн. 10, с. 562.

Опасения не были лишены оснований. 28 апреля 1855 г., когда император направлялся верхом на прогулку в Булонский лес, на него было совершено покушение. Некий Джованни Пианори, бывший гарибальдиец, эмигрировавший во Францию, дважды выстрелил в Наполеона, но промахнулся. Приговоренный к смерти итальянский карбонарий принял ее со словами: “Vive la République!”, – что было воспринято обществом как прямой вызов бонапартистской империи. Так или иначе, но поездка императора в Крым не состоялась.

Новость о смерти Николая I вызвала бурную реакцию на парижской Бирже, с начала войны пребывавшей в затяжной апатии. Котировки акций и облигаций, в особенности русских, резко подскочили в цене. Поползли слухи о скором прекращении войны. Оптимизм финансистов быстро передался журналистам и политикам, включая оппозиционных. Многие из них утверждали, что молодой русский император, еще будучи наследником престола, противился войне, не одобряя политику отца. Парижские журналисты, по-видимому, идя от обратного, безоговорочно наделяли Александра качествами, противоположными тем, которые были свойственны Николаю I, – мягкостью, человечностью, уступчивостью и нерешительностью, граничащими со слабохарактерностью, наконец, природным миролюбием, что в сложившихся обстоятельствах представлялось самым важным.

Пока политический бомонд Второй империи строил всевозможные, зачастую фантастические предположения на счет Александра II, император французов уже 3 марта предпринял тайный зондаж с целью выяснить настроения и намерения нового царя: склонен ли тот продолжать Восточную войну или готов ее прекратить. Наполеон пригласил в Тюильри для конфиденциальной беседы саксонского посланника Л. фон Зеебаха, по неслучайному совпадению доводившегося зятем российскому канцлеру графу К.В. Нессельроде. Наполеон попросил Зеебаха срочно изыскать способ передать его тестю, а через него – императору Александру свои искренние соболезнования в связи с кончиной императора Николая, к которому он, Наполеон, будто бы всегда испытывал самые искренние симпатии и о разрыве с которым в 1854 г. искренне сожалеет.

Сигнал, посланный из Тюильри, вскоре достиг Зимнего дворца, где его восприняли должным образом, как на то и рассчитывал император французов. Александр II поручил Нессельроде через Зеебаха довести до сведения Наполеона III, что государь весьма тронут его вниманием к горю, постигшему Россию и императорскую фамилию, и что со своей стороны тоже сожалеет о разрыве отношений между двумя странами и дворами. Впрочем, просил передать Александр, это дело поправимое, так как “мир будет заключен в тот же день, как того пожелает император Наполеон”⁴.

Луи Наполеон с удовлетворением воспринял реакцию Александра на свою инициативу, но занял выжидательную позицию. Сначала над бастионами осажденного Севастополя должен был подняться французский триколор. Только после этого, получив полное моральное удовлетворение, император французов готов был предложить мирные переговоры, пусть даже вопреки желанию британского союзника, жаждавшего продолжения войны, а также Порты, несмотря на крайнюю ослабленность, надеявшейся в ходе летней кампании 1855 г. на Кавказе разблокировать осажденный русскими Карс и затем вытеснить их из Грузии. В этом намерении турок энергично поощрял Пальмерстон, склонявший императора Франции к отправке на Кавказ значительных подкреплений в помощь армии Омер-паши. “Наполеон III, – справедливо заметил по этому поводу академик Е.В. Тарле, – совсем не хотел тратить своих дивизий в кавказских горах без малейшей пользы для Франции, только затем, чтобы укрепить против России подступы к Герату и к английской Индии”⁵.

Взор Наполеона был прикован исключительно к Севастополю, осада которого тем временем вступила в завершающую стадию. 16 августа 1855 г. союзники нанесли пора-

⁴ Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ), ф. Канцелярия, оп. 469, 1855 г., д. 175, л. 40–42.

⁵ Тарле Е.В. Соч. в 12 т. М., 1959, т. IX, с. 481.

жение русским войскам под командованием генерала М.Д. Горчакова у реки Черная, к юго-востоку от Севастополя. Вслед за этим французы, потеряв в сражении 7500 убитыми и ранеными, сумели овладеть господствовавшим над городом Малаховым курганом, что вынудило русский гарнизон 8 сентября оставить Севастополь, затопив последние корабли и взорвав остававшиеся укрепления. С падением Севастополя военные действия в Крыму фактически прекратились.

Некоторое время они еще продолжались на Кавказе, где на исходе ноября 1855 г. турки сдали генералу Н.Н. Муравьеву осажденный Карс со всем вооружением. В русском плену оказался 16-тысячный турецкий гарнизон, в составе которого находилось немало “иностранных выходцев” – венгров, поляков и др. Взятие Карса фактически завершило войну на Кавказе. Окончательно обессиленная Турция уже не в состоянии была продолжать ее. Воинственные настроения обнаруживал лишь лорд Пальмерстон, глава кабинета королевы Виктории.

Тем временем в европейских дипломатических кругах с ноября 1855 г. начали циркулировать все более упорные слухи о каких-то секретных контактах, завязавшихся между Наполеоном III и Александром II. Особое беспокойство обнаруживали в Лондоне, где все еще надеялись удержать французского союзника в орбите войны.

Слухи соответствовали действительности. Инициатором конфиденциальных контактов выступил Наполеон, посчитавший, что с взятием Севастополя он получил полную сатисфакцию. 13 сентября в соборе Парижской Богоматери в присутствии императора был отслужен благодарственный молебен. Служивший мессу монсеньор Сибур, архиепископ Парижский, обращаясь к прихожанам, объявил о предстоящем в самом скором времени заключении почетного и прочного мира.

Наполеон явно не желал продолжать войну, в которой Франция уже потеряла 95 тыс. человек⁶, – во многом ради осуществления амбициозных геополитических планов Пальмерстона. “Наполеон чувствовал, что он достиг кульминационного пункта своей политики, – писал по этому поводу барон Жомини, – ему предстоял выбор между путем приключений, ведущим посредством затягивания войны к потрясению Европы и переделке ее карты с помощью Англии и революции, или путем консервативной политики, основанной на мире и сближении с Россией. По-видимому, он склонялся к последнему. Кроме внутренних и финансовых затруднений... он казался утомленным от общности с Англией. Он не отказывался от союза с могущественным соседом, но политический инстинкт подсказывал ему, что Англия никогда не поддержит искренно ни одного национального французского интереса. До сих пор в Восточной войне он действовал скорее в пользу Англии, нежели Франции”⁷.

Теперь император решил действовать исключительно в своих интересах. Вскоре после падения турецкой крепости Карс русский посол в Вене князь А.М. Горчаков был проинформирован австрийским финансистом Сину, что его парижский деловой партнер Эрланже (Эрлангер) просил его передать мнение графа де Морни, сводного брата Наполеона III, о желательности начала мирных переговоров с Россией. Горчаков немедленно известил Петербург об этом демарше и, не дожидаясь ответа, по тому же каналу – Сину и Эрланже – сообщил графу де Морни, что разделяет его мнение о желательности прямого диалога с Францией⁸.

“Я убежден, – писал Горчаков, что император Луи Наполеон, просвещенный опытом и ведомый духом здравого смысла и умеренности, не захочет встать на путь бесконечных завоеваний, как это делал его великий дядя. Позволю себе напомнить, – продолжал русский посол, – что вершиной могущества Наполеона I было время его тесного

⁶ Собственно боевые потери французов в Крыму за период военных действий составили 20 тыс. человек. Остальные 75 тыс. умерли от эпидемических заболеваний. См. *Gouttman A. La guerre de Crimée 1853–1856. Paris, 1995, с. 479.*

⁷ Вестник Европы, 1886, кн. 10, с. 586.

⁸ О де Морни см. *Черкасов П.П. Граф де Морни – посол Наполеона III в Санкт-Петербурге (1856–1857 годы). – Новая и новейшая история, 2011, № 5.*

единения с Россией. Не задаваясь мыслью о возврате к этим героическим временам, я верю, что мы с господином де Морни, по мере наших сил, могли бы способствовать величию наших двух стран путем их устойчивого сближения. Необходимо только, чтобы основы этого сближения соответствовали обоюдному достоинству двух народов”⁹. Горчаков имел в виду, что Россия вправе будет надеяться на содействие Франции в выработке более приемлемых для нее условий мирного договора.

В ответном письме Морни в принципе соглашался с Горчаковым, но просил его учесть, что Франция, как бы того ни хотелось, не свободна в определении условий мира. Она связана союзническими обязательствами с Англией, не говоря уже о Турции, Сардинии, а также Австрии, подписавшей в декабре 1854 г. договор с Парижем и Лондоном о защите от русских в Молдавии и Валахии. К тому же после взятия Севастополя император французов не может согласиться на условия более мягкие, чем те, которые были выставлены в самом начале войны¹⁰. Единственно, чего можно было бы достигнуть в сложившейся ситуации, писал Морни, – это заменить ограничения русских военно-морских сил в Черноморском бассейне “нейтрализацией” Черного моря. Подобная альтернатива, как полагал он, представляется менее оскорбительной для национального самолюбия России¹¹.

Предвидя возможные возражения, Морни уточнил свою мысль: “Что же представляет собой эта мера? Обратимся к истории. Когда после военного поражения от той или иной державы требуют крупных денежных жертв (т.е. контрибуций. – П. Ч.), то этим причиняют ей значительный финансовый ущерб. Когда ей навязывают территориальные уступки – уменьшается ее значение и, быть может, даже навсегда. Но когда ей предписывают, в сущности, только такие иллюзорные условия, как ограничение сил, то, коль скоро она нуждается в мире, ей не следует их отвергать. Не впервые подобные условия включаются в мирный договор, – успокаивал Морни и добавлял: – Как долго они соблюдаются? Пройдет всего лишь несколько лет, и все изменится: интересы помнятся, ненависть исчезнет, восстановятся добрые отношения, благоденствия мира излечат раны войны, и подобные договоры отомрут сами собой, не имея применения. Часто бывало даже так, что та самая страна, которая настаивала на ограничении сил, первой предлагала их отменить”¹².

Все шло к тому, что Горчаков должен был в конфиденциальном порядке встретиться с бароном де Буркене, французским представителем на конференции послов, созданной в Вене еще осенью 1854 г. для обсуждения перспектив мирного окончания войны¹³. Не исключалась и возможность личной встречи Горчакова и Морни в Дрездене. Однако в это время, в середине декабря 1855 г., из Петербурга в российское посольство в Вене пришло неожиданное распоряжение канцлера Нессельроде о прекращении контактов с Морни. Канцлер проинформировал посла, что отныне сам будет вести конфиденциальные переговоры, но не с Морни, а с министром иностранных дел Франции графом А. Валуевским. Он намеревался делать это при посредничестве своего зятя, упоминавшегося уже саксонского дипломата фон Зеебаха.

Вмешательство Нессельроде можно было бы объяснить его давним нерасположением к Горчакову. Долгое время он препятствовал карьере талантливого дипломата, держа его на второстепенных постах, а в июне 1855 г. возражал против его назначения пос-

⁹ *Morny, Duc de. Extrait des Mémoires. Une ambassade en Russie, 1856. Paris, 1892, p. 10–11.*

¹⁰ Речь идет о так называемых “четырёх пунктах Наполеона III”, сформулированных 18 июля 1854 г. Они включали в себя совместный протекторат Франции, Англии, Австрии, России и Пруссии над Дунайскими княжествами, временно оккупированными австрийскими войсками; равное покровительство пяти упомянутых держав над всеми христианами Османской империи; коллективный пятисторонний надзор и контроль над устьем Дуная; пересмотр договора 1841 г. европейских держав с Турцией о проходе судов через Босфор и Дарданеллы.

¹¹ *Morny, Duc de. Op. cit., p. 19–22.*

¹² *Ibid., p. 22–23.*

¹³ *Ibid., p. 26–27.*

лом в Вене, но Александр II настоял на своем. Теперь, когда Горчаков стал нащупывать возможности достойного для России выхода из войны, Нессельроде, видимо, посчитал несправедливым, что лавры миротворца достанутся не ему, заслуженному ветерану европейской политики, а Горчакову.

Есть и другое объяснение действий Нессельроде – его неискоренимое пристрастие к давно обветшавшему союзу с Австрией. Между тем с конца 1854 г. Вена стала фактическим союзником Парижа и Лондона, обнаружив вероломство и неблагодарность к России, спасшей Габсбургов в 1849 г. «По-видимому, – отмечается в отечественной “Истории дипломатии”, – Нессельроде упрямо тешил себя иллюзией, что солидарность держав Священного союза продолжает существовать, и считал, что нехорошо сговариваться за спиной “дружественной” Австрии»¹⁴.

Так или иначе, но искушенный во всех тонкостях дипломатической игры граф Нессельроде, допустил “утечку” информации о негласных контактах с Францией. Первыми об этом узнали австрийский император Франц-Иосиф и глава его кабинета граф К.Ф. фон Буоль, крайне озабоченные тем, чтобы Австрия не была забыта при мирном окончании войны. Они срочно занялись изготовлением дипломатической “бомбы”. Ее взрыв должен был поменять неблагоприятно складывавшуюся для Австрии обстановку.

Тем временем Нессельроде отправил в Париж своего саксонского зятя с тремя предложениями: Босфор и Дарданеллы должны остаться закрытыми; военный флот “посторонних” держав не может быть допущен в Черное море, за исключением судов, которые прибрежные государства сочтут возможным туда допустить; число этих судов определят Россия и Турция на двусторонней основе, без постороннего посредничества.

Пока Зеебах добирался до Парижа, в Тюильри испытали нечто вроде шока, узнав, что Россия не сохранила в тайне начавшиеся франко-российские консультации об условиях прекращения войны. Графа Валуевского посетил австрийский посол барон фон Хюбнер, обнаруживший осведомленность о негласных контактах Морни с Горчаковым и поразивший главу французской дипломатии сообщением о полной готовности Австрии окончательно присоединиться к антирусской военной коалиции и даже предъявить России нечто вроде ультиматума.

Наполеон III оказался в весьма щекотливом положении и имел все основания негодовать на поведение русских. Валуевскому поступило указание не вступать в переговоры с Зеебахом и дать понять петербургскому эмиссару о своем недовольстве.

Австрийская заготовка “взорвалась” за несколько дней до наступления нового, 1856 г., когда на прием к канцлеру Нессельроде явился австрийский посланник граф В.Л. фон Эстергази, только что прибывший из Вены, и вручил ему ультимативные требования (“коммюнике”) императора Франца-Иосифа об условиях прекращения войны, неприятие которых повлечет за собой разрыв дипломатических отношений с Россией. Повторяя известные “четыре пункта” Наполеона III 1854 г., австрийский ультиматум дополнил их требованием полной нейтрализации Черного моря и запретом содержать на побережье морские крепости и другие военные арсеналы. В документе оговаривалось также право участников антирусской коалиции предъявлять России новые требования “на общую пользу Европы”¹⁵. Россия должна была принять предъявленные ей условия мира до 18 января (н.с.). В противном случае антирусская коалиция расширилась бы за счет вступления в нее Австрии.

Вскоре после демарша, предпринятого Эстергази в Петербурге, граф Буоль в Вене пригласил к себе князя Горчакова и объявил послу, что во избежание возможных недоразумений и неправильных его толкований ультиматум должен быть принят целиком, без всяких исключений¹⁶. Таким образом, российской стороне не оставалось даже

¹⁴ История дипломатии, 2-е изд., перераб. и доп., т. I. М., 1959, с. 664.

¹⁵ К истории Парижского мира 1856 г. – Красный архив, 1936, № 2 (75), с. 58–59.

¹⁶ История внешней политики России. Первая половина XIX века. От войн России против Наполеона до Парижского мира 1856 г. М., 1995, с. 412.

минимальной возможности для дипломатического маневра. Тот факт, что ультиматум исходил от недавнего, причем ближайшего союзника, глубоко ранил самолюбие Александра II и явился полной неожиданностью для главного поборника австрийской ориентации канцлера Нессельроде.

В результате двух совещаний, состоявшихся 1 и 15 января 1856 г. у государя с участием его ближайших сподвижников – великого князя Константина Николаевича, графа К.В. Нессельроде, военного министра князя В.А. Долгорукова, министра государственных имуществ графа П.Д. Киселева, генерал-адъютантов князя М.С. Воронцова и графа А.Ф. Орлова, а также статс-секретаря графа Д.Н. Блудова и барона П.К. Мейендорфа, бывшего посланника в Вене, – было принято решение согласиться с предъявленными условиями формального прекращения войны¹⁷. Не имея возможности ее продолжать в связи с истощением материальных ресурсов, Россия могла попытаться, как сказал на совещании Нессельроде, “рассеять коалицию, составленную из разнородных и антипатичных элементов и связываемую лишь требованиями общей борьбы”¹⁸.

Скорее всего, уже тогда главную ставку в достижении этой цели русская дипломатия предполагала сделать на Францию – единственную из держав коалиции, обнаруживавшую миролюбивые намерения.

16 января государственный канцлер объявил австрийскому посланнику о принятии предварительных условий мира, выдвинутых венским двором¹⁹. В тот же день Эстергази по телеграфу проинформировал свое правительство о согласии России, а 20 января на конференции послов в Вене был подписан протокол, по которому воюющие державы обязались в трехнедельный срок направить на мирный конгресс в Париж своих уполномоченных для заключения перемирия и подписания мирного договора.

Главным уполномоченным от России Александр II назначил своего генерал-адъютанта графа А.Ф. Орлова, начальника Третьего отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии. В помощь ему был придан опытный дипломат барон Ф.И. Бруннов, получивший статус второго уполномоченного.

ГРАФ А.Ф. ОРЛОВ И БАРОН Ф.И. БРУННОВ

А.Ф. Орлов (1786–1861)²⁰ принадлежал к дворянскому роду, выдвинувшемуся в начале царствования императрицы Екатерины II. Ее восхождению на престол в 1762 г. активно содействовали братья Орловы–Григорий, Алексей, Владимир, Иван и Федор.

Алексей Федорович, как и его брат, Михаил, был внебрачным сыном генерал-поручика Ф.Г. Орлова, который получил от Екатерины признание для своих “воспитанников” всех прав дворянства, фамилии и герба Орловых.

В Отечественную войну А.Ф. Орлов участвовал во многих сражениях, а под Бородином получил семь ранений. С января 1813 г. он был адъютантом великого князя Константина Павловича и храбро сражался под Лютценом, Баутценом, Кульмом и Дрезденом, за что был произведен в полковники, а затем принял участие в походе во Францию. В 1814 г. он вышел в отставку, но через год вернулся на службу, получив в 1817 г. генеральский чин. В отличие от старшего брата Михаила, участвовавшего в тайных декабристских обществах, Алексей был твердым противником всякого либерализма, не терпел неподчинения властям, хотя, повинаясь тогдашней моде, не избежал краткого

¹⁷ См. *Татищев С.С.* Император Александр II. Его жизнь и царствование. М., 2006, с. 146–150.

¹⁸ Вестник Европы, 1886, кн. 10, с. 601.

¹⁹ Красный архив, 1936, № 2 (75), с. 12.

²⁰ О нем см.: *Петров А.А.* Орлов Алексей Федорович. – Русский биографический словарь. М., 1905 (репр. воспроизв. М., 1997); *Оржешковский И.В.* Самодержавие против революционной России (1826–1880 гг.). М., 1982; *Кудрявцева Е.П.* Любимец императора Николая I. А.Ф. Орлов и его миссия на Ближнем востоке. – Российская дипломатия в портретах. М., 1992; *Чукарев А.Г.* Тайная полиция России 1825–1855. М., 2005.

пребывания в масонской ложе, куда попал под влиянием тестя, генерала А.А. Жеребцова.

В 1819 г. Орлов был назначен командиром лейб-гвардии Конного полка, в 1820 г. стал генерал-адъютантом, а через год получил под командование 1-ю бригаду гвардейской Кирасирской дивизии с оставлением за ним начальства над Конным полком. В 1820 г. участвовал в подавлении восстания в Семеновском полку, а 14 декабря 1825 г. первым из полковых командиров пришел на помощь Николаю Павловичу и лично вел конногвардейцев в атаки на каре мятежников. Поведение Орлова в тот критический для молодого императора день было отмечено Николаем I. 25 декабря 1825 г. он возвел Орлова в графское достоинство и, снисходя к его мольбам, освободил от судебного преследования Михаила Орлова, замешанного в декабрьском “злоумышлении”. Это был единственный случай, когда Николай простил непосредственного, к тому же еще и видного участника заговора.

В последующие годы генерал-лейтенант (с 1833 г. – генерал от кавалерии), а с 1836 г. – член Государственного Совета, А.Ф. Орлов становится одним из самых приближенных сановников императора Николая, доверившего ему ответственные миссии военного и дипломатического характера. По поручению государя Орлов неоднократно замещал А.Х. Бенкендорфа на время болезни во главе Третьего отделения, а в 1844 г., в связи со смертью последнего, был назначен на его должность, присовокупив к ней пост командующего Императорской Главной Квартирой.

Пользовавшийся безграничным доверием императора, граф Орлов в качестве Главного начальника Третьего отделения и шефа жандармов ужесточил борьбу с проникновением в Россию из Европы либерально-революционных веяний и усилил давление на литературу в искреннем убеждении, что русским писателям не пристало “выносить сор из избы”. Это означало, что в печати не должно появляться ничего, что прямо или косвенно могло скомпрометировать власть и царящие в империи порядки. С именем Орлова связано и раскрытие в апреле 1849 г. так называемого “дела Петрашевского”, по которому, среди прочих, проходил начинающий литератор Федор Достоевский. Одним словом, в либеральных кругах шеф жандармов граф Орлов, убежденный консерватор, имел совершенно определенную репутацию.

Ее разделяли и отдельные члены иностранного дипломатического корпуса. Так, временный поверенный в делах Франции в Петербурге Ш. Бодэн в секретной записке в Париж называл Орлова “необразованным человеком”, наделенным “посредственным умом”, “неисправимо ленивым”, “испытывающим глубокое презрение и даже откровенную ненависть к идеям гуманизма”. “Как государственный деятель, он полный ноль”, – категорично утверждал французский дипломат, и добавлял, что Орлов будто бы “находится под безграничным влиянием своей жены”²¹.

Трудно объяснить столь откровенную предубежденность и, добавим, очевидную несправедливость: Орлова уважали во всех европейских столицах, и в частности в Париже, о чем еще будет сказано.

Пример графа Орлова показывает, что иной человек бывает содержательнее своей репутации в определенных общественных кругах. На деле же “необразованный” и “ограниченный” Орлов был страстным почитателем творчества И.А. Крылова. 13 ноября 1844 г. грозный начальник Третьего отделения был в числе тех, кто на руках выносил из церкви гроб с телом знаменитого баснописца. Посещая Москву, шеф жандармов всегда заезжал к другу своего опального брата Михаила П.Я. Чаадаеву, официально объявленному сумасшедшим, и подолгу доверительно беседовал с ним на самые разные темы.

²¹ См. Archives des Affaires Étrangères (далее – ААЕ), Mémoires et Documents. Russie, v. 45. fol. 89 recto verso, 90 recto. Свидетельство Ш. Бодэна относится к 1858 г., когда в окружении Александра II и в обществе началось обсуждение вопроса об освобождении крестьян. Орлов занимал здесь весьма консервативную позицию, что, по-видимому, и снискало ему в глазах либерально мыслящего французского дипломата репутацию законченного ретрограда.

По свидетельству современников, он уважал и даже любил Чаадаева за независимый характер и оригинальность суждений.

Орлов принял близкое участие в смягчении судьбы декабриста Г.С. Батенькова, отсидевшего 20 лет в одиночной камере и находившегося на грани помешательства. Он добился от императора его перевода на поселение и снабдил “государственного преступника” значительной суммой в 500 рублей серебром для обустройства в Томске. Впоследствии Батеньков с благодарностью вспоминал гуманное отношение к себе Орлова. “Бумаги мои никто не читал до вступления Орлова, – писал Батеньков. – Он и разобрал их. Поэтому с 1844 года и переменялось совершенно мое положение. Граф назначил от себя деньги на мое содержание; выписал мне газеты и журналы и, объявив, что он будет посещать меня, как родственник, тем самым и дал уже значительность”²².

К этому можно добавить, что, когда в 1856 г. молодой император Александр II назначит графа Орлова главой русской делегации на Парижском мирном конгрессе, то шеф жандармов, к удивлению своего окружения, станет приглашать к себе известного диссидента-невозвращенца Н.И. Тургенева, нашедшего убежище во Франции. В редкие свободные вечера он любил беседовать с ним столь же откровенно и доверительно, как в свое время с Чаадаевым. “Подобные разговоры, – замечает по этому поводу современный исследователь истории Третьего отделения А.Г. Чукарев, – достаточно положительно характеризуют А.Ф. Орлова, как человека просвещенного, честного и порядочного, служившего Николаю I не за страх, а за совесть. Именно за эту беспредельную преданность ценил его царь”²³.

Верного царского слугу всегда притягивали люди свободного ума, имеющие собственные суждения об окружающей их действительности, и он не отказывал себе в удовольствии общаться с ними.

Вопреки утверждениям Бодэна, граф Орлов зарекомендовал себя не только как храбрый кавалерист, военачальник, а затем и борец с “тлетворным” влиянием Запада, но и как искусный дипломат. Впервые его дипломатический талант обнаружился в 1829 г., когда по поручению Николая I Орлов провел успешные переговоры с Турцией, завершившиеся подписанием Адрианопольского мирного договора, после чего император назначил его своим послом в Константинополь – с миссией добиться от султана неукоснительного выполнения условий договора. С высочайшим поручением граф Орлов справился менее чем за год своего пребывания в посольской должности.

Вторая, сугубо конфиденциальная, дипломатическая миссия была доверена ему в августе 1830 г. Николай I отправил его в Вену для обсуждения с австрийским императором возможных совместных действий против Луи Филиппа, “узурпировавшего”, как полагал царь, престол Бурбонов во Франции. На этот раз граф Орлов не успел проявить свои способности, так как еще до его приезда венский двор вслед за Англией и Пруссией официально признал короля французов.

Зато громкий успех выпал на долю графа Орлова в 1833 г., когда он с большим искусством провел в Константинополе переговоры, увенчавшиеся заключением Ункяр-Искелесийского оборонительного союза с Турцией, причем послы европейских держав в Османской Порте узнали об этих переговорах лишь после подписания договора.

В том же 1833 г. он сопровождал Николая I на встречу с австрийским императором Францем I в Мюнхенграц, где вместе с графом К.В. Нессельроде и Д.Н. Татищевым от имени России подписал Мюнхенгрецкую конвенцию о совместных действиях в пользу сохранения в Турции правящей династии. По существу, конвенция была направлена против восточной политики Франции, поддерживавшей египетского правителя Мухаммеда Али. Когда в начале 1835 г. умер император Франц, Николай I направил Орлова на похороны в Вену в качестве своего личного представителя. Два года спустя в качестве личного посланника царя Орлов присутствовал на коронации королевы Виктории. В дальнейшем он постоянно сопровождал государя в его поездках по России и за грани-

²² Батеньков Г.С. Сочинения и письма. Т. 1. Письма (1813–1856). Иркутск, 1989, с. 245.

²³ Чукарев А.Г. Тайная полиция России. 1825–1855 гг. М., 2005, с. 180.

цу, а в 1839 г. сопровождал в заграничном путешествии наследника-цесаревича Александра Николаевича, чьим наставником был назначен после смерти князя Х.А. Ливена. Граф Орлов оказался первым, кому в ходе этого путешествия цесаревич рассказал о том, что влюблен в принцессу Гессен-Дармштадтскую и намерен связать с ней свою судьбу, если, конечно, августейшие родители одобряют его выбор. Как известно, желание юного Александра осуществилось в 1841 г. Его избранница, приняв православие, стала великой княгиней Марией Александровной, будущей императрицей и матерью другого русского самодержца – Александра III.

В 1852 г. Орлов принимал участие в секретных переговорах Николая I с австрийским императором и прусским королем в Ольмюце и Берлине.

Прощаясь на смертном одре с наследником престола, Николай Павлович “завещал” сыну своего верного друга, незаменимого помощника во всех государственных делах. Именно графа Орлова, несмотря на его 70 лет, Александр II направит на Парижский мирный конгресс, призванный подвести черту под злополучной для России Крымской войной. Молодой император ни на минуту не сомневался в том, что его бывший наставник сделает все возможное и даже невозможное для защиты российских интересов. И, как мы увидим, не ошибся в своем выборе.

Вторым уполномоченным на Парижский конгресс Александр II утвердил барона Филиппа Ивановича Бруннова (1797–1875), выученика графа Нессельроде. Молодым дипломатом он принимал участие в Лайбахском (1821 г.) и Веронском (1822 г.) конгрессах Священного союза, был секретарем русской делегации на переговорах с Портой, завершившихся в 1829 г. подписанием Адрианопольского мирного договора, затем служил старшим советником министерства иностранных дел, а в 1840 г. получил назначение посланником в Лондон. На этом посту Бруннов участвовал в подготовке Лондонской конвенции о Египте (1840 г.) и конвенции о Черноморских проливах (1841 г.), а также принимал деятельное участие в работе Лондонской конференции 1843 г. по делам Греции. В плане двусторонних отношений он подготовил и от имени России подписал в 1849 г. торговый договор с Англией.

В период обострения Восточного кризиса, предшествовавшего Крымской войне, Бруннов фактически дезориентировал Николая I, поддерживая в убеждении о ненадежности союза Англии и Франции. В оправдание Бруннова можно заметить, что его позиция не являлась исключением. В том же направлении действовал и его коллега в Париже Н.Д. Киселев. Тем не менее после разрыва дипломатических отношений между Англией и Россией в феврале 1854 г., повлекших за собой объявление войны, Бруннов продолжал успешно продвигаться по служебной лестнице, заняв пост посланника при Германском союзе. Нессельроде вспомнил о своем протекте, когда встал вопрос о втором уполномоченном России на Парижском мирном конгрессе. Бруннов был искушен во всех тонкостях дипломатической игры и слыл незаменимым составителем нот, депеш и отчетов. Помимо этого за ним закрепилась устойчивая репутация остроумного и интересного собеседника, что имело немаловажное значение, особенно на сложных многосторонних переговорах.

В выборе уполномоченных на Парижский конгресс Александр II и канцлер Нессельроде, по всей видимости, учитывали и немаловажный для обеспечения успеха миссии факт личного (для Бруннова) и заочного (для Орлова) знакомства с Наполеоном III. Знакомство Бруннова с Луи Наполеоном произошло еще в 1847 г., когда барон служил посланником в Англии, а будущий император скрывался там от французского правосудия. Как известно, в 1846 г. Луи Наполеон Бонапарт сумел бежать из тюрьмы, где отбывал пожизненный срок за попытку государственного переворота. В 1847 г. он надеялся получить политическую и финансовую поддержку от Николая I в реализации своих планов во Франции. Через Бруннова, с которым неоднократно встречался, он пытался установить канал связи с ближайшим сподвижником царя графом Орловым и некоторое время даже состоял с ним в конфиденциальной переписке²⁴.

²⁴ См. об этом: *Черкасов П.П.* Неизвестная переписка Луи Наполеона Бонапарта с графом

Попытки Наполеона найти понимание в Петербурге не увенчались успехом. Император Николай отказался иметь дело с государственным преступником, каковым в то время считался сбежавший из тюрьмы Бонапарт.

Кто знал, что спустя всего лишь четыре года Луи Наполеон сделается императором французов? И кто мог предположить, что в 1856 г. от его благорасположения во многом будет зависеть сохранение достоинства побежденной в Крымской войне России?

11 февраля (30 января ст.ст.) 1856 г. граф Орлов получил от канцлера инструктивные указания относительно целей, которых должны были добиваться на мирном конгрессе русские уполномоченные²⁵. Важнейшей из них являлось достижение мира на условиях пяти пунктов, сформулированных Венской конференцией послов, на которые согласился император Александр. Ни о чем другом и тем более о перекройке политической карты Европы не могло быть и речи. Инструкция предписывала русским уполномоченным исходить из “различия интересов и страстей наших врагов”. В дополнительной инструкции от 29 (17) февраля Нессельроде уточнил: “Не будучи в состоянии разделить наших врагов, мы должны войти в особое соглашение с теми из них, от решения которых будет зависеть восстановление мира”²⁶.

Главным “врагом” России Петербург продолжал считать Англию. Договориться с ней на приемлемых для России условиях казалось крайне сложным²⁷, однако такая возможность в принципе не исключалась. Как не исключалась и возможность пойти на определенные уступки британским интересам ради того, чтобы изолировать Австрию, чье вероломное поведение привело к образованию общеевропейской коалиции против России. Австрию, по убеждению Александра II, в любом случае следовало наказывать, и канцлер Нессельроде вынужден был с этим согласиться. “Образ действий, которого придерживается с самого начала настоящего кризиса австрийский кабинет, вызвал в России крайнее раздражение, – констатировал Нессельроде в доверительной записке от 11 февраля, адресованной графу Орлову. – Не так-то легко простить измену неблагодарного друга. Не в интересах Австрии, чтобы это чувство усиливалось, чтобы враждебные настроения длились. Она может поплатиться за это при тех неожиданностях, которые всегда возможны в настоящем, еще не устоявшемся положении Европы”²⁸.

Наиболее перспективными представлялись поиски взаимопонимания с Францией, несмотря на ее тесные союзнические отношения с Англией. Недвусмысленные демарши Наполеона III в отношении России, последовавшие за смертью Николая I, давали определенные надежды на успех подобных поисков. Интересы Наполеона в войне, как полагали в Петербурге, были полностью удовлетворены. “Получив от союза с Англией все выгоды, какие только он мог извлечь, – гласила основная инструкция, данная Орлову, – властитель Франции не может следовать за ней в ее воинственных замыслах, где его ждет лишь неизвестность. А это не может входить в цели столь холодного и расчетливого человека, как Луи Наполеон. Он не захочет, конечно, окончить теперешнюю войну, порвав свой союз с Англией. Тем более он не захочет враждовать с ней. Но, с другой стороны, естественно, что он будет стараться избавиться от той зависимости, в которой он до некоторой степени находится по отношению к ней... Недостаточная заинтересованность Франции в содействии целям Англии, преследуемым ею в Азии, а также открывающаяся для французского императора перспектива – стать благодаря союзам твердой ногой на континенте, – подчеркивалось в инструкции, – окажется в

А.Ф. Орловым, начальником Третьего отделения (1847–1848 гг.). Из фондов ГА РФ. – Россия и Франция XVIII–XX века, вып. 9. М., 2009.

²⁵ Речь идет о трех документах, датированных 11 февраля: общей инструкции и “доверительных записках” на имя А.Ф. Орлова. См. Красный архив, 1936, № 2 (75), с. 13–18.

²⁶ Там же, с. 27.

²⁷ “Англия есть и будет нашим действительным и неумолимым врагом”. Из инструкции от 11 февраля 1856 г. – Там же, с. 14.

²⁸ Из доверительной записки Нессельроде от 11 февраля, адресованной Орлову. – Там же, с. 18.

руках наших уполномоченных в ходе конференции средством вызвать в политике Франции поворот, необходимый для того, чтобы Англия отказалась от своих воинственных замыслов”²⁹.

Таковы были общие цели русской дипломатии в отношении Франции на открывшемся 25 февраля 1856 г. в Париже мирном конгрессе³⁰. Следует отметить, что выбор места проведения конгресса во многом зависел от России, как от побежденной стороны. Поддержав Наполеона в его настойчивом желании провести конгресс в столице Франции, Александр II поступил предусмотрительно, обеспечив, как вскоре выяснится, наиболее благоприятные для русских уполномоченных условия работы. Полную поддержку со стороны России получило и недвусмысленно выраженное пожелание императора французов видеть в роли председателя конгресса А. Валуевского, министра иностранных дел Франции.

Данный выбор окажется столь же удачным для русской дипломатии, сколь и досадным для английской и австрийской сторон, не без оснований считавших Валуевского пристрастным арбитром.

“РУССКИЙ ПОСОБНИК” ГРАФ А. ВАЛЕВСКИЙ

Александр Флориан Жозеф, граф Колонна Валуевский родился в 1810 г. в имении своей матери в герцогстве Варшавском³¹. Он был побочным сыном императора Наполеона I и польской графини Марии Валуевской³², т.е. приходился Наполеону III двоюродным братом. В 1812 г. Валуевский получил титул графа Империи с правами наследования по прямой линии. В январе 1814 г. вместе с матерью побывал у отца на острове Эльба. Впоследствии проживал с ней в Женеве. В декабре 1817 г., когда графиня Валуевская умерла, воспитанием семилетнего Александра занялся дядя по материнской линии. В 1824 г. он увез мальчика в русскую Польшу (Царство Польское).

Сын Наполеона обратил на себя внимание великого князя Константина Павловича, и тот предложил юноше вступить в русскую армию. Воспитанный в духе польского патриотизма, Валуевский отклонил это предложение. Никогда не скрывавший своей приверженности идее независимости Польши, он вскоре становится объектом пристального внимания со стороны русской тайной полиции. Тем не менее ему удается нелегально выехать из Польши и перебраться в Англию, а оттуда – в Париж, где он устанавливает контакты с польской эмиграцией. Российское посольство во Франции получает указание добиться выдачи Валуевского, но, несмотря на доверительные отношения с Петер-

²⁹ Там же, с. 14–15.

³⁰ Освещение работы Парижского мирного конгресса и оценка его результатов выходят за рамки данного исследования, посвященного закулисной взаимодействию русской и французской дипломатий на конгрессе. О Парижском конгрессе и мире см.: *Жомини А.* Указ соч., с. 606–619; *Мартенс Ф.* Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Т. XV. Трактаты с Францией. 1822–1906. СПб., 1909; К истории Парижского мира 1856 г. – Красный архив, 1936, № 2 (75); *Тарле Е.В.* Крымская война. – *Тарле Е.В.* Соч. в 12 т., т. 8; *Маринин О.В.* Дипломатическая деятельность России на завершающем этапе Крымской войны. Парижский мирный конгресс 1856 года. М., 1987 (автореф. канд. дис.); *Gourdon E.* Histoire du Congrès de Paris. Paris, 1857; *Monicault G.* La question d'Orient. Le Traité de Paris et ses suites (1856–1871). Paris, 1898; *Charles-Roux F.* Alexandre II, Gortchakoff et Napoléon III, 2-ème éd. Paris, 1913; *Echard W.* Napoléon III and the Concert of Europe. Louisiana State University Press, 1983; *Le Congrès de Paris (1856). Un événement fondateur.* Paris, 2009; *Gouttman A.* Op. cit.; *Sédouy, J.-A.* de. Le Concert européen. Aux origines de l'Europe 1814–1914. Paris, 2009.

³¹ О нем см.: *Bernardy F. de.* Walewski, le fils polonais de Napoléon. Paris, 1976. В Архиве министерства иностранных дел Франции имеется его служебное досье. – ААЕ, Personnel, 1-er série, № 4158.

³² Мария Валуевская была на 50 лет моложе своего супруга, с которым давно поддерживала лишь формальные отношения. Тем не менее 74-летний граф Валуевский великодушно признал своего “сына”.

бургом, кабинет Карла X отказывает в этой просьбе, хотя сын Наполеона и в Париже демонстрирует оппозиционные настроения, сблизившись с противниками режима Реставрации – либералами.

С победой Июльской революции 1830 г. Валевский по поручению министра иностранных дел генерала Себастиани направляется с секретной миссией в восставшую Польшу, где вступает в ряды повстанцев и принимает участие в сражении при Грохове. За проявленную доблесть он получает орден *Virtuti militari*. Затем национальное правительство Польши направляет графа Валевского в Лондон, чтобы заручиться поддержкой Англии против России. Здесь он встречает очаровательную мисс Каролину, дочь лорда Монтегю, и женится на ней.

После взятия русскими войсками Варшавы и подавления восстания Валевский с супругой покидают Лондон и уезжают в Париж, где Александр принимает французское подданство и получает назначение на должность офицера для поручений при маршале Жераре. В апреле 1834 г. в возрасте 25 лет неожиданно умирает его жена. Почти одновременно, один за другим, умирают и их малолетние дети – дочь и сын. Безутешный Валевский записывается в только что созданный Иностранный легион и в чине капитана отправляется в Алжир, где с 1830 г. шли военные операции по “умиротворению” этой непокорной территории, которую король Луи Филипп объявил французским генерал-губернаторством.

По возвращении из Алжира Валевский некоторое время продолжал военную службу в составе 4-го гусарского полка, а в 1837 г. вышел в отставку, решив посвятить себя литературным занятиям. Он публикует две брошюры – “*Un mot sur la question d’Alger*” (1837 г.) и “*L’alliance anglaise*” (1838 г.). В первой Валевский развивает свой взгляд на алжирскую проблему, а во второй – на франко-английский союз. Затем он пробует перо как драматург. В январе 1840 г. в одном из парижских театров была поставлена комедия по его пьесе, но успеха она не имела, после чего граф стал подумывать об очередной смене занятий.

В это время он знакомится с 20-летней актрисой, мадемуазель Рашель (Элизабет Рашель Феликс), уже прославившейся на парижской сцене в ролях трагических героинь. Их роман увенчался рождением сына, названного Александром, в честь отца. Впоследствии Валевский признает его, а в 1860 г. с согласия императора Наполеона официально усыновит, даст свое имя и титул. Расставшись с Рашель, Александр в 1846 г. женится на дочери графа Риччи, которая родит ему четверых детей, но первенец-девочка умрет в младенчестве.

Однако вернемся в начало 1840 г., когда незадачливый драматург оказался на распутье: чему же себя посвятить? Вскоре ему представился удачный случай проявить свои способности на дипломатическом поприще. Летом 1840 г. тогдашний глава кабинета Луи Филиппа и одновременно министр иностранных дел А. Тьер, близко знавший Валевского, доверил ему деликатную дипломатическую миссию, отправив в Египет к тамошнему правителю Мухаммеду Али. Вопреки прежним обнадеживающим обещаниям со стороны Франции теперь Париж хотел склонить его к принятию ультиматума великих держав о возвращении султану завоеванных египетским пашой территорий (так называемая Лондонская конвенция 1840 г.).

Вторую дипломатическую миссию на исходе 1847 г. доверил Валевскому уже Ф. Гизо, последний глава правительства Июльской монархии. Он отправил его в Аргентину. Там, в Буэнос-Айресе, Валевский получил известие о Февральской революции в Париже. Посчитав себя свободным от выполнения поручений свергнутого правительства, он поспешил вернуться во Францию, где примкнул к Луи Наполеону, вождю бонапартистов.

С избранием Наполеона президентом республики началась стремительная дипломатическая карьера Валевского. В 1849 г. он был назначен посланником во Флоренцию, в 1850 г. – послом в Неаполь, год спустя – в Мадрид, а затем – в Лондон. С провозглашением во Франции Второй империи 2 декабря 1852 г. графу Валевскому было пору-

чено добиться скорейшего признания Наполеона III со стороны европейских держав, с чем он и справился весьма успешно.

В конце апреля 1855 г. Наполеон отозвал Валуевского из Лондона и назначил сенатором, а несколько дней спустя сделал министром иностранных дел. Ему же император доверил представлять Францию на Парижском мирном конгрессе, призванном положить конец Крымской войне. Этот выбор был наполнен глубоким смыслом. Именно Валуевский, сын Наполеона I, был избран председателем на триумфальном для Второй империи мирном конгрессе, который, помимо прочего, символизировал похороны униженной для Франции Венской системы 1814–1815 г. Так задумал Наполеон III, настаивавший на проведении конгресса именно в Париже, и с этим вынуждены были согласиться все его участники. Россия с наибольшей готовностью приняла его предложение перенести обсуждение вопроса о прекращении войны из Вены, где проходила конференция послов, в Париж. В столице Франции можно было избежать гнетущей австрийской опеки, так досаждавшей русским дипломатам в Вене.

Первым из русских уполномоченных в Париж прибыл барон Бруннов, который сразу же по приезде, дважды – 14 и 16 февраля – был принят графом Валуевским. Свои первые впечатления об этих встречах, а также об ожидаемой на конгрессе позиции Англии и Австрии³³ Бруннов подробно изложил 19 февраля в депеше канцлеру Нессельроде.

«Император Наполеон, – писал он, – определенно желает в возможно краткий срок прийти к заключению мира. Он высоко ценит чувство, побудившее нашего августейшего государя перенести переговоры в Париж. Он придает громадное значение их успеху. Следовательно, он употребит все усилия, чтобы устранить трудности, могущие либо замедлить их ход, либо сделать их безрезультатными. Затруднения, которые следует предвидеть, будут исходить не от Франции, а от Англии, с одной стороны, и от Австрии – с другой.

Первая с самого начала не проявляла большого желания содействовать заключению мира. Она предпочла бы испытать счастья в третьей кампании, чтобы восстановить военную репутацию Великобритании, которой был нанесен ущерб первыми двумя кампаниями. К тому же соображения парламентского характера, от которых зависит судьба правительства, находящегося у власти, внушают лорду Пальмерстону сильные опасения в прочности его власти после заключения мира, который не будет пользоваться популярностью в глазах англичан, если он не оправдает надежд, которые правительство Великобритании имело неосторожность возбудить у сторонников войны.

Французский кабинет не без труда преодолел колебания и явное нежелание Англии. И это ему удалось только благодаря его настойчивости. Лично лорд Кларендон расположен благоприятно. Но он всецело во власти общественного мнения, находясь под влиянием газет, боится оказаться не на высоте той доминирующей роли, которую он считает себя призванным играть в глазах Европы. Он чрезвычайно чувствителен ко всему тому, что касается англо-французского союза; он усматривает угрозу для его дальнейшего существования в тех отношениях, которые могут установиться между уполномоченными России и Франции. Отсюда крайняя необходимость для французского кабинета избегать всего, что могло бы вызвать подозрение и недоверие у английского кабинета. Давая ему повод к недоверию, подвергают риску успех переговоров. Граф Валуевский с особенным ударением подчеркнул это затруднение.

«Император Наполеон, – сказал он мне, – определенно желает сохранить узы, которые связывают его с Англией. По необходимости ему приходится в сношениях с ней быть крайне осторожным. Он будет вам крайне обязан, если во время переговоров вы будете иметь это в виду. Если возникнут трудности, то для их преодоления он остановится на таких способах, которые, по его мнению, окажутся наиболее для этой цели пригодными, действуя притом с чрезвычайной осторожностью и никого не задевая. Поставив себе задачу добиться примирения, он ее выполнит без всякого сомнения с большим тактом и искусством. Вы можете быть в этом уверены»³⁴.

³³ В данном случае нас интересует лишь оценка Брунновым позиции Франции.

³⁴ Красный архив, 1936, № 2 (75), с. 18–19.

Из сообщения Бруннова следовало, что французская дипломатия на конгрессе будет всеми средствами добиваться скорейшего прекращения войны, что отвечало интересам России, но в то же время шло вразрез с целями Англии, желавшей предельного ослабления поверженного противника. Одновременно миротворец Наполеон не хотел ставить под сомнение устойчивость франко-британского союза. Император французов надеялся на соответствующее понимание со стороны России, которая может рассчитывать на его содействие ее достойному выходу из войны.

На исходе 21 февраля в Париж в сопровождении внушительной свиты прибыл первый российский уполномоченный, генерал-адъютант граф Орлов³⁵. Уже на следующий день он был приглашен к графу Валевскому, который сообщил ему о назначенной на 23 февраля аудиенции у императора Наполеона, пожелавшего по ее окончании побеседовать с Орловым с глазу на глаз. Об этой первой встрече с Наполеоном он подробно сообщил графу Нессельроде в депеше от 2 марта³⁶.

Орлов четко изложил Наполеону три основные позиции России: устье Дуная должно остаться свободным и открытым для торговли всех государств, для чего Россия и Турция договорятся о разрушении имеющихся в этом районе своих укреплений; Черное море будет объявлено нейтральным; пограничная линия между Молдавией и Бессарабией будет установлена лишь после детального обсуждения и с общего согласия.

Из беседы с Наполеоном Орлов сделал вывод: главное, что интересует императора французов на исходе Восточной войны, это – отмена унижительных для Франции условий Венского мира 1815 г., признание их утратившими силу. Кроме того, он убедился, что у Наполеона существуют планы относительно Италии, а это грозило конфликтом с Австрией, традиционно считавшей данный район сферой своего влияния. Наконец, упоминание о “бедной Польше” свидетельствовало о сохранявшемся интересе Франции к крайне болезненному для России польскому вопросу, что было чревато неизбежными осложнениями в русско-французских отношениях. Но самым важным в тот момент для русской дипломатии являлось недвусмысленно высказанное Наполеоном намерение помочь императору Александру с достоинством выйти из затруднительного положения, в котором Россия оказалась в результате злополучной Крымской войны.

Благожелательная по отношению к России позиция Наполеона III обнаружилась с первого же дня работы конгресса, открывшегося 25 февраля под председательством графа Валевского, умело проводившего примирительную линию, предписываемую его положением арбитра, а также указаниями императора. Сам Наполеон, пренебрегая плохо скрываемым недовольством союзников, демонстрировал расположение к Орлову, часто приглашая его в Тюильри для конфиденциальных бесед, о содержании которых остальные участники конгресса могли только догадываться.

“До сегодняшнего дня все поведение и речи императора Наполеона подтверждали его стремление к завершению мирных переговоров, – писал Орлов 11 марта Нессельроде. – Если бы он этого не хотел, он не старался бы умерить требования Англии... Наш отказ ответить согласием на несправедливые претензии британского правительства положил бы конец переговорам, причем ответственность за их разрыв не упала бы на императора Наполеона. Одним словом, если бы он хотел не мира, а войны, то ему достаточно было бы хранить молчание. Он не захотел этого.

³⁵ Приезд в Париж графа Орлова произвел там сенсацию. Газеты откликнулись на это серией публикаций о его жизни, об участии в войне против Наполеона, о пребывании в Париже весной 1814 г. в составе русской армии, о дружбе с покойным императором Николаем. Журналисты не преминули напомнить читателям, что граф Орлов более 10 лет возглавляет тайную полицию Российской империи и является одним из самых доверенных лиц молодого царя Александра. Литографические портреты и цветные лубочные изображения генерала Орлова выставлялись в витринах книжных лавок и газетных киосков. Одним словом, он стал парижской знаменитостью. Ни один из участников мирного конгресса не удостоился такого внимания прессы, как генерал Орлов.

³⁶ Красный архив, 1936, № 2 (75), с. 27–30.

Он активно, умело, настойчиво вмешивался, стремясь умерить как исключительные притязания Англии, так и корыстные расчеты Австрии. Свое посредничество он употребил не только для того, чтобы по мере сил содействовать восстановлению мира, но и для того, чтобы дать справедливое удовлетворение нашим справедливым интересам.

Граф Валевский эту мысль его понял и осуществил ее с большим тактом и умением. На конференции я неоднократно замечал его стремление не вызывать неудовольствия английских уполномоченных, что объяснялось ясно выраженным желанием Франции не порывать резко своих связей с Англией. Вне конференции, в наших доверительных беседах, он всегда выказывал настроение неизменно миролюбивое, я бы сказал, даже дружественное. К нам он всегда относился не как враг, а как пособник. Он сам употребил этот термин и соответственно держал себя в течение всех переговоров”³⁷.

Когда лорд Кларендон попытался, было, поднять на конгрессе вопрос о независимости северокавказских племен от России³⁸, Валевский, действуя по прямому указанию Наполеона, воспротивился обсуждению этой темы, сославшись на то, что она выходит за рамки утвержденной повестки дня. Не получили поддержки со стороны Франции и требования австрийского уполномоченного графа Буоля, чтобы Россия согласилась на уступку Турции всей Бессарабии³⁹. Буоль имел все основания выражать недовольство линией, проводимой в этом вопросе Валевским, справедливо усматривая в ней признаки наметившегося франко-русского сближения⁴⁰.

Активное содействие графа Валевского помогло преодолеть острые разногласия по вопросу демилитаризации Аладских островов и при выработке декларации Парижского конгресса по морскому международному праву, подтвердившей, как на том настаивали Орлов и Бруннов, основные принципы, сформулированные еще в 1780 г. Екатериной II⁴¹. Валевскому удалось убедить лорда Кларендона в обоснованности требований, отстаиваемых Орловым⁴².

В Петербурге, где по традиции, унаследованной от предыдущего царствования, живым воплощением которого продолжал оставаться канцлер Нессельроде, не склонны были излишне доверять благорасположению Франции. Однако подчеркнуто лояльное по отношению к России поведение императора Наполеона и его представителя на мирном конгрессе побудили даже графа Нессельроде скорректировать устоявшийся взгляд на Францию. “Мы должны вывести заключение, – писал он 15 марта Орлову, – что одной из причин, побудивших его (Наполеона. – П. Ч.) твердо взять в свои руки дело восстановления мира, была надежда на установление более близких отношений с Россией. Итак, думается нам, что, чем больше мы будем поддерживать в нем веру в успех этого, тем сильнее будет его желание предотвратить неудачу переговоров из-за тех непредвиденных затруднений, которые, быть может, поднимет Англия”.

Более того, Орлову было разрешено дать понять Наполеону III, что Россия не будет препятствовать его сокровенному желанию добиться признания утратившими силу положений Венского трактата 1814 г., касающихся династии Бонапартов, лишенных всех прав на верховную власть во Франции. “Вам представляется самому решить, – писал

³⁷ Там же, с. 37–38.

³⁸ Как известно, британская дипломатия в ходе войны предпринимала настойчивые попытки наладить взаимодействие отрядов Шамиля на Северном Кавказе с турецкой армией.

³⁹ В связи с острыми противоречиями по вопросу о Дунайских княжествах, вскрывшимися на конгрессе, было решено образовать специальную комиссию для определения общих принципов будущего устройства этих княжеств. В 1858 г. в Париже будет созвана конференция, посвященная этому вопросу.

⁴⁰ Красный архив, 1936, № 2 (75), с. 38–39.

⁴¹ Основные принципы международного морского права были сформулированы Екатериной II в декларации от 9 марта (27 февраля) 1780 г. Текст декларации см. О вооруженном морском нейтралитете. СПб., 1859, с. 64–66.

⁴² Об этом см. *Мартенс Ф.* Указ. соч., т. XV, с. 288–291.

по этому поводу Нессельроде, – насколько может способствовать успеху переговоров намеков с Вашей стороны, что мы благожелательно относимся к этому вопросу”⁴³.

Как раз в это время представился удобный случай засвидетельствовать императору французов благодарность за благожелательную позицию Франции на мирном конгрессе. Сделано это было весьма нетривиальным способом. 16 марта 1856 г. у императора Наполеона и императрицы Евгении родился долгожданный наследник. Французские войска в Крыму отметили это событие праздничным салютом. Русская армия, расположенная фронтом перед боевыми порядками французов, последовала их примеру, отсалютовав в честь рождения императорского принца, а вечером на прилегающих горах устроила иллюминацию, которой вместе с русскими могли любоваться и их противники.

Эта акция, осуществленная еще до подписания мирного договора, произвела самое благоприятное впечатление во Франции. Император поспешил выразить графу Орлову искреннюю признательность и объявил, что немедленно направляет в Петербург своего генерал-адъютанта графа Э. Нея, внука прославленного маршала, расстрелянного Бурбонами в 1815 г., с выражением благодарности за “это спонтанное выражение симпатии, так тронувшее его (императора. – П. Ч.) сердце”⁴⁴.

Расположенность Наполеона и Валуевского к России, конечно же, была далека от альтруизма. Активно содействуя мирному урегулированию, французская сторона вместе с тем твердо отстаивала свои интересы, ради которых в 1854 г. и вовлекла себя в конфликт между Турцией и Россией. Это обнаружилось при обсуждении проблемы нейтрализации Черного моря, в частности, в вопросе о ликвидации крепостных и других военных сооружений на побережье. Французские уполномоченные настаивали на возвращении Турции взятого русской армией Карса, а также отклонили давние претензии России на единоличную защиту прав православных подданных султана, выступив за совместные гарантии великими державами прав всех христиан Османской Порты⁴⁵. По этим вопросам Валуевский на конгрессе выступал солидарно с Кларендоном.

Умелое посредничество Валуевского, которого в наиболее трудных ситуациях эффективно поддерживал Наполеон, позволило сторонам в скором времени прийти к согласию и 30 марта подписать Парижский мирный договор⁴⁶. По всеобщему признанию он оказался менее жестким и унижительным для проигравшей войны России, чем этого можно было ожидать. В сущности, в нем были зафиксированы только те положения, с которыми Россия предварительно согласилась при созыве конгресса.

Наибольшее удовлетворение итогами войны, зафиксированными в Парижском мирном договоре, испытывал Наполеон III. «Весна 1856 г. была временем подлинного цветения для императора и для Франции, – отмечается в современной “Истории французской дипломатии”. – За ее пределами французская армия, вынесшая на себе основную тяжесть коллективных операций, проявив способность действовать на протяжении нескольких месяцев в условиях крайней удаленности, доказала, что она – лучшая на тот момент армия в мире. Париж заменил Вену и даже Лондон в качестве стержня европейского концерта... Хотя победа и (мирный. – П. Ч.) конгресс не принесли Франции прямых существенных выгод, они придали ей очевидный ореол. Если Наполеон имел целью разорвать то, что все еще называли Северным альянсом, то он полностью реали-

⁴³ Красный архив, 1936, № 2 (75), с. 43.

⁴⁴ Из телеграфной депеши Орлова от 29 марта 1856 г., адресованной Нессельроде. – АВПРИ, ф. Канцелярия, оп. 469, 1856 г., д. 148, л. 70–70об.

⁴⁵ *Charles-Roux F.* Op. cit., p. 90–96. За несколько дней до открытия конгресса султан Абдул-Меджид под давлением Англии и Франции издал манифест (хатти-шериф), провозгласивший свободу всех христианских вероисповеданий на территории Османской Порты. Это позволило Кларендону и Валуевскому настоять на включении упоминания об этом манифесте в специальную статью Парижского мирного договора.

⁴⁶ Текст договора см. *Мартенс Ф.* Указ соч., т. XV, с. 307–328.

зовал свой замысел. Отныне Австрия и Россия никогда уже не смогут выступить вместе, особенно против Франции»⁴⁷.

Действительно, не получив никаких территориальных и материальных преимуществ, Наполеон III добился большего – как для Франции, так и для династии Бонапартов. Был взят моральный реванш за унижение 1814–1815 гг. На смену господствовавшему прежде на континенте Священному союзу пришел “европейский концерт”, в котором Франция получила ведущую роль, а император французов превратился в подлинного арбитра Европы⁴⁸.

Чувствуя недовольство своих союзников обозначившимися на конгрессе признаками его интереса к России и не желая компрометировать франко-британский союз, Наполеон III вынужден был пойти навстречу настойчивым пожеланиям сент-джеймского и венского дворов о дополнительных гарантиях территориальной неприкосновенности Турции. 15 апреля 1856 г., спустя две недели после закрытия мирного конгресса, граф Валуевский, лорд Кларендон и граф Буоль подписали трехстороннюю конвенцию о гарантиях Османской империи.

Когда Валуевский сообщил об этом Орлову, начавшему сборы к возвращению в Петербург, тот выразил французскому министру свое крайнее удивление этим актом, антироссийская направленность которого, как не преминул он заметить, не вызывает у него сомнения. В депеше на имя государственного канцлера Орлов следующим образом прокомментировал поведение Франции в этом деле: “Австрия и Англия, вероятно, выдвинули эту комбинацию нарочно с целью скомпрометировать перед нами Францию и тем самым испортить наши отношения, проявление сердечности которых уже начинало беспокоить венский и лондонский дворы”⁴⁹.

Александр II согласился с такой трактовкой, но одновременно укрепился в мысли, что Наполеону не следует вполне доверять. На депеше Орлова государь сделал помету: “Это поведение Франции по отношению к нам не очень лояльно и должно служить нам мерилом степени доверия, которое может нам внушать Н. (Наполеон. – П. Ч.)”⁵⁰.

По всей видимости, и сам Наполеон испытывал некоторую неловкость от собственных действий. Он пригласил к себе Орлова и выразил ему глубокое сожаление по поводу подписанной конвенции. Это решение, объяснял он, было вынужденным, так как прямо вытекало из заключенного еще на Венской конференции соглашения союзников о гарантиях Турции. К тому же, сказал он, на него оказывалось сильнейшее давление со стороны Англии и Австрии.

Орлов с присущей ему откровенностью, которая как будто бы всегда импонировала Наполеону, ответил, что он, конечно же, отлично понимает мотивы действий Англии и Австрии, но не может понять, почему Франция поддалась их давлению в принятии решения, имеющего очевидную антироссийскую направленность. В свете наметившихся дружественных отношений между Россией и Францией, добавил Орлов, тем более странно, что от него пытались скрывать сам факт переговоров по этому вопросу.

Отвечая на его откровенный упрек, император попытался переложить ответственность на своего министра иностранных дел. “Когда я узнал через Валуевского, что договор вам еще не сообщен, – заявил Наполеон, – то я выразил ему свое недовольство этим, так как это похоже на хитрость, на которую я не способен. Я прошу вас уверить в этом вашего августейшего государя. Я, впрочем, приказал, чтобы вам сообщили все документы, о коих идет речь”⁵¹.

Действительно, через несколько дней Валуевский предъявил Орлову копии Венского меморандума (14 ноября 1855 г.) и апрельской конвенции 1856 г., после чего Орлов не

⁴⁷ Histoire de la diplomatie française. Présentation de Dominique de Villepin. T. 2. De 1815 à nos jours. Paris, 2007, p. 104–105.

⁴⁸ Sédouy J.-A. de. Le concert européen. Aux origines de l'Europe 1814–1914. Paris, 2009, p. 321.

⁴⁹ Красный архив, 1936, № 2 (75), с. 52.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Там же, с. 56

удержался и заявил, что всегда считал графа Валевского честным человеком и поэтому не понимает, зачем нужно было так себя вести по отношению к России⁵².

Вплоть до отъезда Орлова из Парижа Наполеон III использовал каждую возможность, чтобы сгладить неприятное впечатление от участия Франции в конвенции 15 апреля, и даже прибегнул к помощи императрицы Евгении. По окончании одного из официальных обедов в Тюильри, где присутствовал Орлов, императрица отвела его в сторону и сказала, что император, ее супруг, чрезвычайно огорчен тем, что может быть заподозрен в неискренности в связи с подписанием апрельской конвенции. Присоединившийся к императрице и Орлову граф Валевский поспешил доверительно сообщить ему, что на секретных переговорах Кларендон и Буоль настаивали на четком определении всех *casus belli* в защите Турции. Однако Наполеон уполномочил его, Валевского, решительно отклонить эти требования, согласившись лишь на общее обязательство трех держав, предоставив каждой самостоятельно и на свой риск определять, имеется ли *casus belli* или нет⁵³. Вежливо выслушав императрицу и Валевского, Орлов оставил их заверения и признания без комментариев.

12 мая император Наполеон дал ему прощальную аудиенцию. Выслушав слова благодарности Орлова за то постоянное дружеское содействие, которое он ощущал со стороны императора и его министра – председателя конгресса – в отстаивании законных интересов России, Наполеон выразил надежду на успешное развитие взаимопонимания и сотрудничества Франции и России, обозначившихся в ходе работы мирного конгресса. Он добавил, что надеется на полное согласие с императором Александром. “Таково чувство моего сердца”, – сказал Наполеон в завершении аудиенции.

Передавая в депеше содержание этой прощальной встречи, Орлов отметил, что Наполеон кажется ему вполне искренним в желании развивать отношения с Россией. “Все это было бы очень хорошо, если бы было искренне”, – написал на полях депеши Александр II, продолжавший, видимо, испытывать некоторые сомнения на сей счет⁵⁴.

Его сомнения подогревала одна, крайне болезненная для русского самодержца тема – Польша. Настораживала та настойчивость, пусть даже вежливая и осторожная, с которой Наполеон III время от времени поднимал польскую проблему. С нее, кстати, он начал свое личное знакомство с графом Орловым, о чем уже говорилось. Когда мирный конгресс подходил к концу, Наполеон, в очередной раз принимая у себя Орлова, в беседе за чашкой кофе высказал ему пожелание обсудить на одном из последних заседаний вопрос о Польше, оговорив, что речь может идти исключительно о гуманитарном (о “милосердии и великодушии”), а не о политическом аспекте этой проблемы. Орлов недвусмысленно дал понять императору, что подобное обсуждение совершенно неприемлемо для достоинства его государя⁵⁵. В результате польский вопрос не был даже упомянут в документах конгресса. “Я вполне доволен тем, – писал Орлов, – что мне не пришлось слышать имя Польши произнесенным на заседаниях в присутствии представителей великих держав Европы”⁵⁶. Наполеон вновь вернулся к польской теме на прощальной аудиенции, данной Орлову, но на этот раз император был предельно корректен. “Он говорил со мной о Польше, – сообщал Орлов, – но в смысле, совершенно согласном с намерениями нашего августейшего государя”⁵⁷.

Орлов покинул Париж и отправился в Петербург, где его встретили как героя, спасшего Россию от унижения. Он был осыпан монаршими милостями, возведен в княжеское достоинство и назначен председателем Государственного Совета. Второй российский уполномоченный, барон Бруннов некоторое время продолжал оставаться в Париже в роли чрезвычайного посланника. Он дожидался там назначения нового посла.

⁵² Мартенс Ф. Указ соч., т. XV, с. 293.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Там же, с. 294.

⁵⁵ Депеша Орлова от 19 апреля 1856 г. – АВПРИ, ф. Канцелярия, оп. 469, 1856 г., д. 148, л. 257–259.

⁵⁶ Цит. по: Татищев С.С. Указ соч., с. 162.

⁵⁷ АВПРИ, ф. Канцелярия, оп. 469, 1856 г., д. 148, л. 475.

ОТСТАВКА ГРАФА НЕССЕЛЬРОДЕ. КНЯЗЬ ГОРЧАКОВ

Ко времени возвращения Орлова в Петербург в руководстве российской дипломатии произошли важные перемены, отразившие смену внешнеполитических приоритетов нового царствования.

27(15) апреля 1856 г. 76-летний Нессельроде получил отставку с поста министра иностранных дел, сохранив за собой звание государственного канцлера. В тот же день последовал высочайший указ о назначении новым министром князя А.М. Горчакова, занимавшего должность российского посла в Вене.

Парижский конгресс стал последней страницей в продолжительной карьере графа Нессельроде, одного из творцов Венской системы и Священного союза, “приказавших долго жить” в результате Крымской войны. Уходя из российской и европейской политики, он оставил нечто вроде завещания, в котором кратко изложил свои мысли и взгляды на новое международное положение России. Этот документ – “Записка” – был составлен Нессельроде накануне открытия Парижского конгресса, датирован 11 февраля (с.с.) 1856 г., а впервые опубликован лишь в 1872 г.⁵⁸

В краткой четырехстраничной “Записке” без труда можно заметить влияние идей, внушенных канцлеру императором Александром, находившимся с ним в постоянном общении. Нессельроде всегда был послушным исполнителем монарших устремлений – и при Александре I, и при Николае I, и при Александре II. Последний намеревался, и канцлер это почувствовал раньше других, повернуть руль государственного корабля в направлении глубоких реформ. Парижский конгресс еще не открылся, а Нессельроде уже написал: “России предстоит усвоить себе систему внешней политики иную против той, которою она доселе руководствовалась. Крайние обстоятельства ставят ей это в закон”⁵⁹.

Под “крайними обстоятельствами” он имел в виду последнее военное поражение России. “Война, – писал он, – вызвала для России неотлагаемую необходимость заняться своими внутренними делами и развитием своих нравственных и материальных сил. Эта внутренняя работа является первою нужною страны, и всякая внешняя деятельность, которая могла бы тому препятствовать, должна быть тщательно устранена”⁶⁰. И в этом тезисе также чувствуется направление мыслей императора Александра, впоследствии столь успешно воплощавшихся преемником Нессельроде на посту министра иностранных дел Российской империи.

Разумеется, верный последователь Меттерниха понимал, что произошел окончательный крах той самой системы, которую они совместно создавали в течение нескольких десятилетий. Но, надо отдать ему должное: Нессельроде сумел признать неизбежность разрыва “с политической системой, которой держались сорок лет”, хотя и сделал это с определенными оговорками⁶¹. Они сводились к двум его утверждениям: “В разумных интересах России политика наша не должна переставать быть монархической и антипольской”⁶². Очевидно, что в сознании одного из творцов политики Священного союза разрыв с прошлым не был окончательным. “Было бы крайне неосторожно подрывать наши добрые отношения с Пруссией или растравлять те, какие мы имеем с Австрией и за сохранение которых, ради необходимости, мы поплатились ценою стольких жертв, – утверждал Нессельроде”⁶³.

Эту мысль он доказывал сохраняющейся общностью интересов бывших участников Священного союза в отношении Польши. “С раздела Польши между Россией, Австрией

⁵⁸ Записка канцлера графа К.В. Нессельрода о политических соотношениях России. – Русский архив, 1872, № 2.

⁵⁹ Там же, с. 341.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Там же, с. 344

⁶² Там же.

⁶³ Там же, с. 343.

и Пруссией, – писал канцлер, – установилось взаимоохранение интересов, соблюдение коего, из этих трех держав, наименее необходимо именно для нас. Польское восстание (1831 г. – П. Ч.) послужило тому достаточным доказательством. Да и в последнее время коалиция, вызванная под предлогом восточной войны, не угрожала ли сплотиться еще сильнее приобщением к нему и вопроса Польского?”⁶⁴.

Наибольшее беспокойство у Нессельроде вызывала тенденция к сближению с Францией, обозначившаяся после смерти императора Николая Павловича. «Войти с нею (Францией. – П. Ч.) немедленно в положительный и тесный союз, значило бы изменить преждевременно нашей новой системе, – утверждал автор “Записки”. – Уверенный в нашей поддержке, Наполеон III видел бы в ней поощрение пуститься в новые предприятия, в которых могло бы оказаться для нас невыгодным ему сопутствовать в той мере, в какой бы он того желал»⁶⁵.

Помимо внешнеполитических угроз, вытекающих для России от союза с Францией, Нессельроде указал и на “идеологическую” несовместимость существующих в двух странах режимов. “Не представляется ли неосторожным и несвоевременным, – предостерегал старый канцлер, – основывать политическую систему на тесном союзе со страной, которая с 1815 года, и помимо всех Европейских гарантий, была поприщем трех революций, одна другой неистовее и демократичнее, среди которых обрушились в 24 часа две династии, тверже, по-видимому, установленные, чем Наполеоновская”⁶⁶.

Трудно с уверенностью сказать, в полной ли мере взгляды Нессельроде на Вторую империю отражали в то время мнение Александра II, но, похоже, император, склонен был разделять недоверие старого канцлера к Наполеону III. Оно стало сглаживаться с приходом к руководству министерством иностранных дел князя А.М. Горчакова, свободного от многих предрассудков своего предшественника.

А.М. Горчаков⁶⁷ принадлежал к древнему аристократическому роду. Он родился 4 (15) июня 1798 г. в городке Гапсаль (Хаапсалу) Эстляндской губернии, в семье генерал-майора князя М.А. Горчакова.

Летом 1811 г. Александр успешно выдержал вступительные испытания и был принят в только что учрежденный Царскосельский лицей, призванный готовить из отпрысков знатных фамилий будущую правящую элиту России. Юный Горчаков оказался в составе первого набора лицеистов вместе с Александром Пушкиным, с которым он подружился. Впоследствии Пушкин посвятил ему несколько стихотворений⁶⁸.

По окончании лицея в 1817 г. 19-летний Горчаков был выпущен оттуда с похвальным листом и в чине титулярного советника поступил на службу в канцелярию министерства иностранных дел, где вскоре стал ближайшим помощником второго статс-секретаря графа И. Каподистрии. По всей видимости, именно близость к Каподистрии стала первопричиной устойчивой неприязни к Горчакову со стороны другого статс-секретаря по иностранным делам – графа Нессельроде, соперника и недоброжелателя Каподистрии. Несколько лет они управляли министерством иностранных дел вдвоем: Каподистрия ведал восточными делами, включая Балканы, а Нессельроде, как первый статс-сек-

⁶⁴ Там же, с. 343–344.

⁶⁵ Там же, с. 342.

⁶⁶ Там же, с. 344.

⁶⁷ Жизни и деятельности А.М. Горчакова посвящена обширная литература. Из работ обобщающего характера см.: *Модзалевский Б.Л.* К биографии канцлера князя А.М. Горчакова. М., 1907; *Бушуев С.К.* А.М. Горчаков. М., 1961; *Семанов С.Н.* А.М. Горчаков – русский дипломат XIX в. М., 1962; *Канцлер А.М. Горчаков: 200 лет со дня рождения.* Под ред. Е.М. Примакова. М., 1998; *Кессельбреннер Г.Л.* Светлейший князь. М., 1998; *Андреев А.Р.* Последний канцлер Российской империи. Александр Михайлович Горчаков. Документальное жизнеописание. М., 1999; *Горчаков Александр Михайлович. – Очерки истории Министерства иностранных дел России.* Т. 3. Биографии министров иностранных дел 1802–2002 гг. М., 2002; *Чичерин Г.В.* Исторический очерк дипломатической деятельности А.М. Горчакова. Сост. и комм. В.Л. Телицына. М., 2009.

⁶⁸ См. *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч. в 10 т., 3-е изд. М., 1962–1966; т. 1, с. 56, 259, 378–379, и др.

ретарь, отвечал за европейское направление. В мае 1822 г. Каподистрия был отправлен в отставку, и Нессельроде стал единоличным руководителем министерства.

Безукоризненная секретарская работа Горчакова на конгрессе Священного союза в Лайбахе (май 1821 г.) была отмечена орденом св. Владимира 4-й степени, а в декабре 1822 г. коллежский асессор князь Горчаков был определен на должность секретаря посольства в Лондоне, где прослужил до 1827 г. под начальством графа Х.А. Ливена. Горчаков был весьма невысокого мнения о безынициативном после, называя его “тупицей” и даже “трупом”. Столь нелестные отзывы дошли до ушей Ливена, и Горчакова перевели в Рим, в менее престижное посольство.

В начале 1825 г., находясь в отпуске, Горчаков встретился с Пушкиным, отбывавшим ссылку в Михайловском. По просьбе заболевшего Горчакова, гостившего у своего дяди, предводителя дворянства Псковской губернии, Пушкин навестил его в имении Лямоновское и провел с лицейским другом целый день, читая ему отрывки из “Бориса Годунова”. Позднее в стихотворении “19 октября” поэт напишет:

Ты, Горчаков, счастливцев с первых дней,
Хвала тебе – фортуны блеск холодный
Не изменил души твоей свободной:
Все тот же ты для чести и друзей.
Нам разный путь судьбой назначен строгой;
Ступая в жизнь, мы быстро разошлись:
Но невзначай проселочной дорогой
Мы встретились и братски обнялись⁶⁹.

В 1828 г. Горчаков получил назначение советником посольства в Берлин, а в декабре того же года его направили поверенным в делах во Флоренцию. Здесь ему доведется прослужить без малого пять лет.

Новый этап в карьере Горчакова начался с назначением его в ноябре 1833 г. советником посольства в Вену. Находясь в австрийской столице, он воочию убедился в двуличности меттерниховской дипломатии. По-видимому, не без влияния информации, получаемой от Горчакова, которого поддерживал посол Д.П. Татищев, у Николая I возникли серьезные сомнения в искренности заверений Меттерниха в вечной дружбе с Россией. Зато у вице-канцлера Нессельроде, друга и последователя Меттерниха, настоячивые сигналы Горчакова из Вены вызывали лишь растущее раздражение, но он вынужден был считаться с настроением императора.

Летом 1838 г. в жизни 40-летнего Горчакова, имевшего репутацию убежденного холостяка, хотя и ценителя женской красоты, произошло важное событие. Он впервые по-настоящему, глубоко и страстно влюбился⁷⁰. Предметом его страсти стала графиня М.А. Мусина-Пушкина (урожденная княжна Урусова), молодая вдова гофмейстера двора Е.И.В. И.А. Мусина-Пушкина. Горчаков сделал ей предложение, она его приняла.

Женитьба оказалась удачной и для карьеры дипломата. Его тесть, князь А.И. Урусов, глава Московской дворцовой канторы, стал влиятельным защитником и ходатаем за зятя от происков Нессельроде, создавшего для Горчакова совершенно невыносимые условия работы в посольстве, окружив соглядатаями и преследуя постоянными придирками.

⁶⁹ Там же, т. 2, с. 275.

⁷⁰ Вторая, еще более страстная любовь настигнет князя Горчакова в возрасте 65 лет, когда он без памяти влюбится в свою 24-летнюю внучатую племянницу Н.С. Акинфову, имевшую мужа и двоих детей. Министр поселит ее у себя в доме на правах хозяйки, а ее мужу за безропотное поведение исхлопочет придворное звание камер-юнкера. Роман Горчакова с Акинфовой продлится четыре года, пока канцлер не узнает о ее измене с Его Высочеством князем Н.М. Романовским, герцогом Лейхтенбергским, членом Императорской фамилии. Любопытно, что жестоко обманутый Горчаков нашел в себе силы смириться с ударом судьбы. Он даже великодушно содействовал своей неверной любовнице в осуществлении ее замыслов замужества с герцогом Лейхтенбергским. – *Экзитус С.А.* Надин, или Роман великосветской дамы глазами тайной политической полиции. По неизданным материалам Секретного архива III Отделения. М., 2001.

Когда выведенный из равновесия Горчаков летом 1838 г. демонстративно подал прошение об отставке, надеясь привлечь внимание государя к условиям, созданным для советника посольства стараниями Нессельроде, многоопытный в интригах канцлер сумел добиться у императора удовлетворения этого прошения.

Отъезд Горчакова из Вены Меттерних, освободившийся, наконец, от бдительного контроля со стороны русского дипломата, воспринял с огромным облегчением.

Более года Горчаков находился не у дел, пока хлопотами тестя и других влиятельных заступников не был возвращен в министерство иностранных дел. В декабре 1841 г. он получил назначение посланником в королевство Вюртемберг. Его первым важным делом в Штутгарте стало устройство брака великой княжны Ольги Николаевны, дочери Николая I, с наследным принцем Вюртембергским Карлом-Фридрихом-Александром. Горчаков успешно справился с ответственным поручением, заслужив благодарность государя. На своем посту в Вюртемберге он прослужил 12 лет, получив многочисленные награды, в том числе орден св. Анны 1-й степени.

В 1852 г. Горчаков на несколько месяцев был откомандирован во Францию, где в это время происходил процесс перерождения Второй республики – малокровного детища февральской революции 1848 г. – во Вторую империю. При содействии Н.Д. Киселева, русского посланника при принце-президенте Луи Наполеоне, Горчаков изучал в Париже политическую обстановку и устанавливал полезные связи.

Когда в 1853 г. разгорелся Восточный кризис, Горчаков, вернувшийся в Германию, посчитал целесообразным для России более сдержанное поведение в отношениях с Турцией, чтобы не провоцировать Англию и Францию на выступление в защиту последней, но в силу занимаемого им тогда скромного положения не смог оказать сдерживающего влияния на Николая I.

В разгар Восточного кризиса в Баден-Бадене умерла жена Горчакова. Ее смерть так глубоко потрясла князя, что он впал в отчаяние. Горчаков искал и находил утешение лишь в молитвах, отстранившись от дел и сторонясь общества.

Из затянувшегося на несколько месяцев затворничества его вывело сообщение о начале русско-турецкой войны. Находясь в Германии, Горчаков прилагал энергичные усилия, чтобы предотвратить переход Пруссии в антирусскую коалицию. В это время со всей очевидностью вскрылась предательская по отношению к России политика Австрии, о чем он предупреждал еще в 1830-е годы.

Габсбургская империя, спасенная в 1849 г. Николаем I от распада, подумывала об аннексии Молдавии и Валахии, куда были введены русские войска. Хотя Меттерниха, “унесенного ветром” революции 1848 г., давно уже не было у руля австрийской внешней политики, его преемник граф Буоль подталкивал молодого императора Франца-Иосифа к выступлению против России. В связи с этим принципиально важное значение приобрел пост главы российской дипломатической миссии в Вене. Ее прежний руководитель барон П.К. Мейендорф, связанный близким родством с графом Буолем, был отозван “в отпуск”, и ему требовалась подходящая замена. Николай I, вспомнив о давних предостережениях Горчакова, настоял на его назначении в Вену, вопреки возражениям Нессельроде.

По прибытии к новому месту службы Горчаков развернул энергичную работу с целью предотвратить вступление Австрии в войну. Ему удалось нейтрализовать воинственные устремления Буоля и убедить Франца-Иосифа воздержаться от участия в войне. Действия Горчакова получили высокую оценку императора Николая I.

Подбирая новую команду соратников и исполнителей своих реформаторских замыслов, Александр II видел будущим министром иностранных дел именно князя Горчакова. И как только в Париже был подписан мирный договор, император предложил ему занять этот ответственный пост.

Горчаков, не колеблясь ни минуты, принял высочайшее предложение, предварительно ознакомив императора со своим видением внешнеполитических задач, вставших перед Россией после окончания войны. Александр II нашел, что взгляды Горчакова в полной мере отвечают его собственным представлениям о том, какова должна быть новая внешняя политика России. В именном рескрипте о назначении Горчакова говорилось: “Дипломатические способности, познания по сей части, приобретенные

Вами многолетним пребыванием при разных дворах Европы в качестве чрезвычайного посланника и полномочного министра Нашего, в особенности же действия Ваши в продолжении Венских конференций 1855 года, решили Наш выбор назначением Вас министром иностранных дел. Вы вступили в управление оным в то важное время, когда исполнение условий только что заключенного Парижского мира требовало неусыпной бдительности и предусмотрительности. Возникшие вскоре в сем отношении недоразумения могли снова омрачить едва прояснившийся политический горизонт Европы; но Вы, руководимые опытностью и постигая чистосердечные желания Наши упрочить общее спокойствие, умели благоразумно отвратить последствия тех недоразумений и утвердить дружественные отношения России со всеми державами”⁷¹.

Контуры внешнеполитической программы Горчакова будут обозначены им в циркулярах от 24 (12 августа) и 2 сентября (21 августа с.с.) 1856 г., адресованных русским дипломатическим представителям за рубежом⁷². Шумный отзвук в Европе получила ключевая фраза из этого циркуляра: “Россия не сердится, она сосредоточивается”.

Из программы Горчакова вытекало, что после окончания войны Россия намерена воздерживаться от активного вмешательства в европейские дела. В то же время она считает себя свободной в выборе своих будущих друзей и не станет более жертвовать своими интересами ради принципов Священного союза. Здесь содержался недвусмысленный намек на неблагодарность и предательство Австрии. Заявляя о мирных намерениях России, Горчаков не исключал в недалеком будущем ее возвращение к активной европейской политике. Не раскрывая своих, как бы сейчас сказали, стратегических замыслов, князь Горчаков изначально исходил из главной задачи – добиваться отмены ограничений, наложенных на Россию Парижским мирным договором.

Заявленный в программе Горчакова принцип свободного выбора союзников вызвал повышенный интерес в Париже, где со времени проведения конгресса укреплялись в мысли о необходимости сближения с Россией.

А что же думал сам Горчаков об отношениях с Францией? Ведь он хорошо знал об устойчивой привязанности императора Александра к особым отношениям с Пруссией.

В этом вопросе весьма ценным представляется свидетельство временного поверенного в делах Франции в России Ш. Бодэна⁷³, направленного в Петербург в конце июня 1856 г., после восстановления дипломатических отношений между двумя странами. По случайному совпадению французский дипломат оказался на том же пароходе, следовавшем из Штеттина в Петербург, что и князь Горчаков, возвращавшийся через Берлин и Дрезден из Вены после вручения императору Францу-Иосифу своих отзывных грамот. В результате Бодэн получил счастливую возможность в течение трехдневного путешествия ближе познакомиться с Горчаковым⁷⁴ и его внешнеполитическими взглядами.

Если верить донесению Бодэна на имя Валуевского, то Горчаков признался ему, что с самого начала был против войны и “всеми доступными ему средствами пытался ее предотвратить”; война, по его мнению, не была неизбежной, она стала результатом “недоразумения, случившегося между Наполеоном III и Николаем I в 1853 г.”; заключение Парижского мира Горчаков считал “отправной точкой новой политики для России, принятой той партией, к которой принадлежит и он, князь Горчаков, и что в этом отношении его назначение в министерство иностранных дел весьма знаменательно”. Министр заверил французского дипломата, что всегда “с симпатией относился к Франции и считает крайне желательным заключение союза между двумя странами”⁷⁵.

⁷¹ Русский архив, 1905, кн. 7, с. 482.

⁷² АВПРИ, ф. Канцелярия, оп. 469, 1856 г., д. 42, л. 201–210.

⁷³ 33-летний Ш. Бодэн был ближайшим сотрудником графа Валуевского в бытность последнего послом в Англии. Ему-то Валуевский, став министром, и доверил миссию по возобновлению дипломатических отношений с Россией в ожидании приезда посла. Служебное досье Бодэна см. ААЕ, Personnel, 1-re série, № 269.

⁷⁴ Впервые они встретились за несколько дней до этого в Берлине, где оба оказались проездом. Их знакомство устроил французский посол при прусском дворе маркиз де Мустье.

⁷⁵ ААЕ, Correspondance politique, Russie, 1856, v. 212, fol. 22–23.

“Пока еще не очень ясно, какой будет эта новая политика, – резюмировал Бодэн в депеше Валуевскому 10 июля 1856 г. – Я надеюсь разобраться в этом, но уже сейчас понятно, что Россия будет склонна к менее активному вмешательству во внешние дела”. В гораздо большей степени, отмечал Бодэн, молодого царя заботит внутреннее состояние его империи, и он намерен “сосредоточиться на административных и социальных вопросах, а также на улучшении различных ветвей государственного управления с целью поднять русское сельское хозяйство и промышленность”. Французский дипломат прозорливо предположил, что, “по всей видимости, даже приступят к изучению возможностей и средств для отмены крепостного права”⁷⁶.

Судя по последующему развитию событий, информация, сообщенная Бодэном, соответствовала действительным настроениям и намерениям нового министра иностранных дел России. Горчаков был вполне искренен с французским дипломатом. Кстати, возвратившись в Петербург 10 июля, министр сразу начал подтверждать делами свое расположение к Франции.

Уже на следующий день Бодэн как временный поверенный был аккредитован при министре иностранных дел. Его статус не предполагал официальной высочайшей аудиенции, но Александр II, по совету Горчакова, пренебрег протоколом и принял Бодэна в Зимнем дворце, чем засвидетельствовал особое отношение к представителю императора французоз, пусть даже этот представитель был в скромном секретарском чине.

С этого времени Бодэн, временный поверенный в делах Франции, официально приступил к исполнению своих обязанностей при петербургском дворе. Его первоочередной задачей станет подготовка к прибытию в Россию посла Франции. Но за всеми этими, по большей части техническими хлопотами он находил время и для глубокого изучения предреформенной России, пытаясь понять направление действий императора Александра и его новой правительственной команды. Депеши и памятные записки Бодэна, направлявшиеся в Париж, отличались трезвым и объективным взглядом на события, разворачивавшиеся в России в преддверии Великих реформ⁷⁷.

Заверения Горчакова о расположенности к тесному сближению с Францией нашли подтверждение как в его последующей политике, о чем еще будет сказано, так и в закрытых докладах, адресованных императору. Горчаков был убежден, что в сложившейся после войны международной обстановке для России наиболее предпочтителен союз именно с Францией.

“Расположенные на двух концах Европейского континента, две страны нигде не соприкасались, их интересы нигде не сталкивались. Объединившись, они обрели бы возможность оказывать влияние на Центральную и Южную Европу. Очевидным свидетельством действительности подобного союза служил бы постоянный страх, который он внушал бы другим правительствам, полагал Горчаков и ссылаясь на тот факт, что в течение почти века именно опасение сближения России с Францией оказывало сдерживающее влияние на всю европейскую политику”, – отмечает современный исследователь горчаковской дипломатии О.В. Серова⁷⁸.

Этот вывод подтверждается многими документами, вышедшими из-под пера самого Горчакова. Важнейшими документами такого рода могут считаться ежегодные отчеты министерства иностранных дел, составлявшиеся Горчаковым для императора. Первым из них стал отчет за 1856 г. В нем новый министр совершенно определенно утверждал, что “согласие с Францией предоставило бы нам такие гарантии, которых мы не имели в тех старых союзах, к которым наша политика была привязана до сих пор”. “Обе империи, – продолжал Горчаков, – органически и географически находятся в отношениях, которые не содержат в себе ни соперничества, ни противоборства”. Как на самом континенте, так и на морях, отмечал министр, между Россией и Францией не существует

⁷⁶ Ibid., fol. 24 recto verso.

⁷⁷ Деятельность Ш. Бодэна на его посту в Петербурге будет высоко оценена в Париже. В декабре 1857 г. он получит назначение полномочным министром в г. Кассель (Гессен).

⁷⁸ Серова О.В. Русско-французские отношения в оценке князя А.М. Горчакова. – Россия и Франция XVIII–XX века, вып. 3. М., 2000, с. 134.

никаких разногласий, что служит надежной основой упрочения их дальнейшего сближения. “Только их согласие может восстановить нарушенное Англией равновесие на морях и гарантировать континент от всех неожиданностей, которыми чревата угроза английского доминирования”⁷⁹.

Обозначая линию новой русской дипломатии в отношении Франции, князь Горчаков подчеркивал: “Постепенно сокращать дистанцию, которая в течение последних 25 лет отделяла нас от французской нации; поощрять в ней тенденции симпатии (к нам. – П. Ч.), зародившиеся в ходе войны; привлекать ее к себе повсюду, где наши интересы совпадают; предоставить ей возможность опереться на нас, для того чтобы освободиться от зависимости от Англии; наконец, заложить основы стабильного согласия, которое служило бы залогом безопасности для (всей. – П. Ч.) Европы и величия для двух (наших. – П. Ч.) стран”⁸⁰.

Определенно высказываясь за сближение с Францией, Горчаков прекрасно видел возможные препятствия на этом пути. Одно из них определялось происхождением и природой власти Наполеона III, не имеющей четких принципов, устойчивость которой в решающей степени зависела от внешних успехов. “Успех – его (Наполеона III. – П. Ч.) единственная цель”, – полагал Горчаков⁸¹, и эта цель может подвигнуть императора французов на рискованные предприятия, в чем Россия не может быть ему помощницей.

Другая потенциальная опасность, по убеждению Горчакова, заключалась в сохраняющейся привязанности Наполеона III к союзу с Англией, которую желательно было бы ослабить. Наполеон, как полагал Горчаков, понимает, что “если Англия может много чего сделать во вред Франции, то Россия может многое – в ее пользу”. Отсюда – и желание императора французов уравновесить союз с Англией союзом с Россией. Но подобный “треугольник” не отвечает интересам России – ей предпочтителен двусторонний союз, без британского участия. Следует попытаться оторвать Францию от Англии, хотя это и представляется делом трудно осуществимым, учитывая степень влияния Лондона на Париж⁸².

Какова же, по мысли Горчакова, должна быть в этих условиях политика России в отношении Франции?

Его соображения сводились к следующему: “Отвечая на открытость императора Луи Наполеона, мы могли бы поощрять его расположение к нам и следовать по пути согласия, отвечающего нашим интересам... Но в то же время мы должны были бы обезопасить себя от (его. – П. Ч.) амбициозных увлечений, пределы которых нам неизвестны, как и от непостоянства, свойственного французской нации в определении своей судьбы. Одним словом, – резюмировал Горчаков, – мы не должны делать: ни слишком много, ни слишком мало. Первое было бы чревато подчинением наших собственных интересов попыткам, из которых мы не могли бы извлечь для себя никаких преимуществ; второе могло бы отпугнуть от нас государя, имеющего большое влияние и наделенного твердой волей, подтолкнув его к поискам поддержки у других. Итак, мы принимаем его авансы, сделанные с искренними намерениями, но не берем на себя никаких обязательств”⁸³.

Таковы были намерения нового министра иностранных дел в отношении Франции. Их разделял и Александр II. Правда, он по примеру Наполеона, упорно державшегося за союз с Англией, желал сочетать сближение с Францией со своим неискоренимым пруссофильством.

Взаимные зондажи и контакты, осуществлявшиеся в порядке строгой конфиденциальности между российскими и французскими дипломатами на завершающей стадии Крымской войны, отражали обоюдное желание Александра II и Наполеона III не только к примирению, но и к сближению двух стран, получившему развитие в последующие годы.

⁷⁹ АВПРИ, ф. Отчеты МИД, оп. 475, 1856 г., д. 40, л. 244–245.

⁸⁰ Там же, л. 246.

⁸¹ Там же, л. 246–246об.

⁸² Там же, л. 247–247об.

⁸³ Там же, л. 248–249.